

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА

Н. М. Межевич

ГРАНИЦЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: НОВЫЕ КАЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Для определения понятия региона в его обобщающем, родовом значении вполне достаточно двух признаков – наличие обособленной общности международных отношений «проблемного узла» и ограниченности этой общности рамками определенного географического региона [3, с. 18]. Таким образом, признавая наличие региона как теоретической категории и объекта исследования, мы принимаем обязательность наличия границы данной территориальной общности. Теоретической предпосылкой к рассмотрению лимнологии как новой научной дисциплины может являться концепция транснационалистов, характеризующаяся через четыре главные тенденции:

1. Тенденция к размыванию границ между внутренней и внешней политикой. Международная активность регионов и других объектов федеративных государств, непосредственное влияние международной жизни на внутриполитические процессы.

2. Демократизация международных отношений и внутриполитических процессов, основанная на достижениях постиндустриальной революции и распространении информации.

3. Расширение состава и рост многообразия политических акторов. (В мировой политике наряду с государствами активно участвуют различные сепаратистские силы, религиозные движения, экологические партии, транснациональные корпорации).

4. Изменения в содержании угроз международному миру и расширение понятия безопасности.

Именно подход транснационалистов к международным отношениям предполагает то, что это – «...все виды взаимодействий между базирующимися в пределах государства субъектами, осуществляемые с пересечением государственных границ» (all interactions between state-based actors across state boundaries) [25, p. 274]. Сегодня нормы и политическая практика, ассоциируемые с суверенитетом все более подвергаются сомнению в контексте глобализации. С одной стороны «в современных условиях государство уже не всегда является основной единицей анализа. Однако следует учитывать, что оно никогда не было единственным актором международных отношений. Его исключительность была теоретической моделью, основывающейся на вестфальской интерпретации международных

отношений». С другой стороны государство утрачивает свою роль, но этот процесс растянется на десятилетия, а может быть и столетия.

В настоящее время существует определенный консенсус в том, что границы являются важным объектом изучения и исследования. Вопрос о важности границ между государствами актуализирован качественными изменениями на политической карте мира. В связи с этим возникает задача анализа теоретического и практического статуса границ в условиях тех коренных изменений, которые произошли в 90-х гг. XX в. Границы, будучи частью любого развернутого определения «суверенного» государства, одновременно играли важную роль в международных политических процессах. «Границы – это не просто линии, отмеченные на картах, одномерное отображение политической жизни, то место, где кончается одно государство и начинается другое. Они представляют собой институты, учрежденные посредством политических решений и подчиняющиеся действующему законодательству. Границы были и практически остаются быть основным политическим институтом: в развитых обществах без них не может строиться правовая экономическая, социальная или политическая жизнь» [1].

Во-первых, управление границами (их положением и статусом) традиционно является орудием государственной политики, причем как в экономической, так и в политической, идеологической сфере. Во-вторых, экономический и политический курс, практическая деятельность государства ограничена государственной границей. В-третьих, границы являются основным выражением национальной и региональной, а не только государственной идентификации.

В современном мире национальные государства сталкиваются как с внутренними, так и с внешними вызовами. С внутренним терроризмом каждое национальное государство справляется своими внутренними силами внутри своих границ или меняет свои границы. Внешние вызовы в течении поствестфальской эпохи предполагали прямое нарушение суверенитета национального государства, а значит и границ. Сегодня требуется заново осмыслить принцип самоопределения, пере-

смотреть Вестфальскую систему, отдающую все права государствам в ущерб всем прочим национальным сообществам. Нужно признать различные типы промежуточного статуса между автономией и территориальным суверенитетом и новые принципы регионального устройства безгосударственных национальных сообществ. Все это вполне в рамках возможностей современного государственного управления. (Естественно такой подход требует адекватной оценки статуса границы как института государства.) Необходимо и новое международное право, поскольку старое, как показали события, связанные с терактом 11 сентября, в значительной степени дискредитировано. Косвенно террористический акт можно рассматривать как попытку нападения на государство без преодоления границы.

Возможно XXI столетие станет периодом развития общемировых процессов на фоне противостояния двух тенденций: стремления национального государства сохранять свой суверенитет и попыток игнорирования границ национального государства в результате расширения и углубления процесса глобализации и деструкции ялтинской системы.

Эволюция статуса государств как международных акторов – процесс постепенный и имеющий значимое историческое измерение. При этом если в течение длительного довестфальского периода шла медленная кристаллизация политико-правового статуса государств, то период с 1648 г. до конца XX в. мы можем определить как «золотой век государств». «В Европе периода Нового времени оказалось неспособной к самостабилизации старая форма империи, объединяющей множество народов, – империи, продолжавшей существовать в виде старой Римской империи германской нации или Российской и Османской империй. Среднеевропейский пояс городов дал вторую, федеративную структуру формирования государств. Прежде всего, в Швейцарии возникла такая федерация, которая оказалась достаточно сильной для того, чтобы снять этнические напряжения мультикультурного гражданского союза. Но лишь третья форма – централизованное территориальное государство – для европейской системы государств надолго приобрела структурирующую силу» [13, с. 211]. Уже в XIX в. международ-

ные отношения стали восприниматься в Европе как своего рода пространственный спектакль [26]. Закономерно то, что именно для централизованного территориального государства граница стала ключевым институтом обеспечения суверенитета. Классик реализма как теории международных отношений Г. Моргентау отмечал то, что «международная политика может быть определена как «...непрерывное усилие, направленное на сохранение и увеличение мощи своей собственной нации, и ослабление мощи других наций» [29, р. 5]. При этом национальное государство есть государство территориальное, его власть зиждется на контроле за определенной местностью.

В 60-х гг. XX в. обнаружилась тенденция массового формирования независимых государств. Во всем мире народы выходили из больших стран и создавали самостоятельные государства. Если ООН в начале процесса насчитывала около 50 государств, то сейчас – почти 200, и этот процесс продолжается, о чем свидетельствует, в частности, распад СССР на группу независимых государств в 90-х гг. Сегодня вопрос о государственных границах актуализировался по следующим причинам: всплеск этнонационализма на постсоциалистическом восточноевропейском пространстве; интенсификация процессов общеевропейской интеграции и создания открытых обществ с герметически закрытыми границами, в особенности на востоке; рост проблемных ситуаций в политическом поле, которое охватывает территорию за пределами границ национальных государств, т.е. вследствие процессов глобализации.

К концу XX в. земное пространство, охваченное многочисленными сетями коммуникаций, оказалось не только объектом, но и субъектом общественных и политических отношений. Человечество впервые осознало его как пространство геополитическое. Две мировые войны сильно изменили очертания карт различных стран. 54,2% границ в Западной Европе образованы после 1910 г.: 24,3% датируются 1910-1924 гг. и 29,9% возникли после второй мировой войны [5, с. 11].

Вопрос о границах в Европе был снят с повестки дня европейской политики из-за «холодной войны», а также из-за длительного гос-

подства над Европой двух гегемонов – США и СССР. Вследствие этого границы в Европе оставались неизменными в период между концом 40-х и концом 80-х гг. – вплоть до политического катаклизма в 1989 г. и его последствий, выразившихся в установлении 8.000 миль новых международных границ в Центральной и Восточной Европе [1]. За 40-летний период территориальной стабильности в Европе, конечно же, в различной форме поднимались вопросы, связанные с границами, однако обычно они рассматривались как второстепенные по сравнению со значительными проблемами внутренней и внешней политики. Таким было восприятие Европы как геополитической проблемы после второй мировой войны.

В период блокового противостояния проблемы национальных меньшинств, языков, межконфессиональных отношений, экономического сепаратизма в Европе были отодвинуты на второй план, но не решены. Отдельные эксцессы – Северная Ирландия, проблема басков, не меняли общего впечатления. Для Европы в целом оправдывалось предположение Э. Геленера, который утверждал, что «в эпоху позднего индустриализма, – благодаря росту благосостояния, уменьшению дистанций между культурами, появлению всемирного рынка и стандартизации образа жизни, – накал националистических страстей постепенно снижается» [4, с. 42].

С. Роккан и Д. Урвин говорят о трех параллельных процессах изменений, которые оказывали влияние на Западную Европу с 1945 г. Во-первых, имел место процесс интернационализации территориальных экономик и неуклонное размывание межгосударственных границ в ходе распространения сообщений, идеологий и стилей организации. Во-вторых, спрос на ресурсы и ожидания удовлетворения этого спроса, а также производительная сила механизированного производства в каждом государстве возросли: давление, вынуждающее к распространению благосостояния и услуг в сфере образования, а также к увеличению помощи менее продуктивным секторам и регионам экономики увеличили стоимость затрат инфраструктуры. В-третьих, наблюдался рост усилий по мобилизации периферии, регионов и даже районов, направленной про-

тив национальных центров, и утверждение (или подтверждение) меньшинствами требований культурной автономии и полномочий в принятии решений, касающихся данной территории [10, с. 118]. Обращает на себя внимание и тенденция к переходу унитарных государств к федеративному и квази-федеративному устройству (Бельгия, Великобритания, Испания). Эта тенденция сочетается с ростом общественного интереса к местной истории, изучению региональных диалектов, культуре провинций и регионов. При этом, как уже было отмечено, европейский регионализм не предполагает деструкцию единого экономического пространства, ухудшения качества жизни, роста региональных различий. Такой регионализм «вписан» в глобализационные процессы. Как пишет К. Зегберс: «в странах Восточной Европы, где после 1989 г. шел процесс строительства нации-государства (nation building) и возникали новые государства, их роль, казалось бы, возрастала. Однако на деле, начиная с 1990-х гг., она (в этом регионе, как и везде) была в структурном и сущностном отношении ослаблена» [6, с. 69]. Этому способствовали глобализация рынков, усиливающееся давление со стороны субнациональных акторов и всеобщего кризиса государственных бюджетов, которые ставили пределы для национальных правительств в перераспределении средств и возможностях контроля. «Коллапс советского блока, объединение Германии, распад Советского Союза, хаотические территориальные размежевания на Балканах снова поставили Европу в фокус конфликтных ситуаций и напряженности» [21]. Особо следует остановиться на трансформации юридического статуса границ в Восточной Европе. Во-первых, государственные границы стран Варшавского договора и СЭВ, т.е. границы между союзниками, трансформировались в границы между государствами-конкурентами. В начале XXI в. это относилось к самому широкому спектру конкуренции, начиная от борьбы за право первоочередного вступления в НАТО, до конфронтации на западном рынке замороженных овощей. Строительство ГЭС на Дунае «Надьмарош – Габчиково» было начато и успешно осуществлялось в социалистической Восточной Европе. Политики и ученые в Венгрии и Чехословакии, конечно же,

помнили о печальных событиях полувековой давности (Венский арбитраж 1939 г., отделивший часть Чехословакии в пользу Венгрии), но не позволяли приносить реальные экономические интересы в жертву прошлому. Ситуация изменилась к 1989-1990 гг., когда идеи демократического развития в Восточной Европе оказались замешаны на националистических лозунгах. Строительство было остановлено. Вопрос был вынесен на уровень Международного суда в Гааге.

В 2003-2004 гг. Украина начала строительство канала «Дунай – Черное море», которое подвергли критике президент Румынии И. Илиеску, Евросоюз и США. Согласно оценкам Минтранс Украины, до 60% дунайского грузопотока приходилось на украинскую дельту Дуная. На сегодняшний день этот показатель оценивается всего в 1-2%. В настоящее время монополистом в сфере предоставления транспортных путей через дельту Дуная выступает Румыния. Дискуссия по поводу канала достаточно быстро перешла из экономической области к обсуждению законности, исторической и этнографической подоплеку государственной границы между Украиной и Румынией. Таких примеров, к сожалению, можно привести множество.

Во-вторых, следует также отметить, что сами понятия «Восточная Европа» и «Центральная Европа» основаны не только на исторической, но и на политической, экономической идентичности. Давно отмечено, что территории «восточнее Триеста» (по Шатобриану) или «восточнее Эльбы» (по Энгельсу) обладали многими чертами типологического сходства в социально-экономической, этнополитической и духовной сферах, хотя уровень и темпы протекавшего здесь развития, испытывавшие воздействие природно-климатических, этнографических и ряда других внешних факторов, не были синхронными. С 1950-х гг. в западногерманской историографии для региона Центральной Европы, с отнесением к нему заэльбской Германии (тогда – ГДР), стало применяться понятие «Средняя Европа» (Mittel Europa) или, чаще, «Восточно-Центральная Европа» (Ostmittel Europa). Отмечая проблематичность этой терминологии, немецкий историк К. Цернак предлагал еще в 1977 г. трактовать термин «Восточная Европа» в ши-

роком смысле как особую территориально-политическую систему, одной из частей которой является Восточно-Центральная Европа. Подобная точка зрения не является единственно-возможной. Признаком такой системы является подвижность границ [8, с. 7].

Центральная Европа, бесспорно, имеет весьма сложную структуру. В конце XX столетия этот регион «увеличился» на Украину, Белоруссию, Молдавию (за счет распада СССР). Эти три государства, при всех внутренних различиях, представляют определенную общность как историко-географического, так и экономического характера. Переходный характер экономики сочетается здесь с очевидной незавершенностью политических трансформаций.

Лишь на первый взгляд данная проблема ушла в прошлое в Западной Европе. Включение в атлантические системы экономического и военно-политического сотрудничества не означает автоматического решения всех пограничных проблем. В Западной Европе существовавшее до середины 1980-х гг. понимание политической необходимости взаимной сплоченности начало утрачиваться. Проявления национализма стали более частыми в Западной Европе, но их явный всплеск произошел только по окончании «холодной войны», что хорошо иллюстрируют примеры политического феномена Хайдера в Австрии, Ле Пена во Франции, Фортайна в Нидерландах, Северной лиги в Италии. Дезинтеграционные процессы, захлестнувшие страны Восточной Европы, стимулировали лидеров Западной Европы начать в 1992 г. новый этап европейской интеграции. Однако неравномерность экономического развития отдельных регионов западноевропейских стран, исторические комплексы, в определенной степени служат благодатной почвой для возникновения региональных противоречий. События ноября 2005 г. во Франции и других европейских странах подтверждают данный прогноз.

Ключевой вопрос, связанный с проблемой государственных границ на постсоветском пространстве двойственность и взаимное несоответствие этнической и территориальной идентификации. Рассмотрим этот вопрос на примерах Приднестровья, Крыма, Абхазии. В каждом из этих случаев мы сталкиваемся

со значимым изменением этнического состава населения, произошедшим как насильственным, так и ненасильственным образом. Реконструкция этнического состава привела к определенной путанице в представлениях о т. н. понятиях «исторической территории нации». На территории современной Абхазии в период инкорпорации в состав России не было полиэтничного населения. В прибрежную зону в конце XIX в. начали переселяться субэтносы или фактически этноплеменные группы грузинского этноса. Произошло частичное замещение абхазов на грузин. Сработала сумма историко-географических факторов. Включение в состав России обеспечило безопасность данного пространства, повысив его демографическую емкость. В результате началась практика переселений, активизировавшаяся в 30-50-е гг. XX в. Однако ситуация не была критической, пока сохранялась функция суперарбитра у СССР.

Происходящие процессы не следует рассматривать исключительно как вторую очередь распада СССР. Здесь во многом разворачивается процесс до-распада Российской империи. С другой стороны, следует помнить, что деструкция Российской империи как раз и была яркой иллюстрацией триумфа концепции национального государства. Распад СССР произошел в иное время. Национальные государства оказались не способны адекватно реагировать на все вызовы глобализации. Вместе с тем, разворачивается борьба регионов за свои экономические и политические права. Регионализация в современном мире оказывается, как не парадоксально, более универсальным процессом, чем глобализация.

Ослабление власти государства охватывает весь мир. В этом плане появление парламента в Эдинбурге и межплеменные войны в Шри-Ланке – однопорядковые явления. Культурологический контекст в данном случае очень важен. Культурой национального государства всегда является культура доминирующей этнической группы. Как пишет Э. Смит: «Историческое преобладание и культурно-политическое доминирование государствообразующей этнической группы было столь велико, что по большей части именно оно определило формы и содержание социальных институтов и политической жизни для всего насе-

ления в пределах границ территориального государства» [32, р. 138]. С другой стороны, по мнению Д. Камиллери, «мы живем в период перехода к новой форме гражданского общества, где нет ясно очерченных границ, базирующихся на принципе национальной идентичности» [22, р. 35].

Границы динамичны. Сегодня границы отличаются большой транспарентностью и транснациональностью нынешних обществ, охваченных глобализационными процессами. Ослабление относительной автономии и суверенитета национальных государств, а также – соответственно сущности границ этих государств будет происходить в следующих основных формах. Во-первых, станут разрушаться таможенные и валютные границы, которые прежде давали возможность национальным правительствам осуществлять контроль над богатствами своих стран. Неспособность правительств в современном мире обеспечить контроль за перемещением через их границы большей части людей, товаров и информации приводит к изменению как государств, так и самих границ.

С другой стороны, национальное государство со своими границами продолжает все еще оставаться основной единицей в международном праве и мировом сообществе. Оно продолжает оставаться фундаментом национального суверенитета, обеспечивает соблюдение прав и свобод своих граждан и тем самым опровергает все имеющиеся постулаты об устарелости дискурса о нации и ликвидации национального государства. Граница не исчезла, она вернулась, только в иной форме. Она стала такой же многоплановой, как и новые социальные отношения. Используя формулу Г. Зиммеля, отметим, что граница – это не пространственный факт с социологическим действием, но социологический факт, который принимает пространственную форму. Хотя эта линия всего лишь обозначает различие отношения между элементами одной сферы между собой и элементами этой сферы и другой, она, тем не менее, становится живой энергией, которая смыкает (элементы каждой из сфер) и, подобно физической силе, которая излучает отталкивания в обе стороны, втискивается между обеими сферами [31].

Граница может исчезнуть на местности,

но остаться в сознании людей, сохраниться в воспоминаниях и привычках людей. В ряде случаев ментальная граница оказывается прочнее естественных границ. Так было с границами РСФСР и ЭССР (особенно на северном участке). Переезжая через мост из русскоязычного Ивангорода в не менее русскоязычную Нарву, путешественник делал гигантский прыжок на запад, следующим рубежом мог стать только Стокгольм. Альтернативой границе является не отсутствие границы как таковой, но граница, которая не более чем обозначение территории, начала и конца, маркировка места перехода. Но случается и наоборот: границы пролегли там, где их раньше не было. Люди, привыкшие к несесенному движению в безграничной империи, теперь вынуждены приравниваться к границам, проверкам, переходам и связанным с ними придиркам. Границы пролегли через семьи и поколения, которые до поры жили если и тяжело, то, по крайней мере, в мире друг с другом [16].

Итак, границы являются важнейшими элементами суверенитета национальных государств, а также одним из главных факторов формирования специфических пространственных отношений между ними.

Понятие «граница» начали исследовать в рамках социал-дарвинистской и антропологической школы в географии и геополитике. Именно поэтому исследования границы связаны с трудами Ф. Ратцеля. Он писал о границе как об органе государства, который является отражением его роста, силы и слабости. Представители данной научной школы, строго говоря, как и все геополитики, рассматривали государство как живой организм, следовательно, и границы как «живые органы государства» могут перемещаться. Т. Холдич писал о концептуальных различиях между *frontier* – пограничной полосой и *boundary* – пограничной линией [27]. Хаусхофер, используя теоретические обобщения Т. Холдича, которые были успешно апробированы на практике, сомневался в понятии границы как линии, и сформулировал идею проницаемости государственных границ.

Последователи Ф. Ратцеля акцентировали внимание на барьерной функции границы. Первый подход к определению границы был

связан с признанием ее барьерной функции и жесткой линейности. Однако сегодня линейная граница уже не может рассматриваться как универсальная концепция. Границы становятся более прозрачными, через них с разной степенью свободы перемещаются деньги, рабочая сила, информация.

В настоящее время наряду с официальными границами возникают размытые, подвижные границы, которые по-разному складываются в различных сферах жизни общества. В пограничных областях складываются и мультикультурные социальные пространства. Возможно и появление особых экономических режимов, вызванных пограничным положением. В течение большей части послевоенного периода правительство ФРГ поддерживало особыми мерами экономику т. н. Зональной Приграничной Области (*Zonenrandgebiet*) и Западного Берлина [12].

Итак, «новые» границы могут быть:

а) ограничителями территориального «пространства безопасности» (*boundaries*);

б) линиями перехода на сопредельную территорию (*borders*);

в) периферийными, окраинными единицами (*margins*);

г) линиями соприкосновения с соседями (*frontiers*) [23, p. 3-4];

д) территориями, своего рода региональными единицами, имеющими свою специфику, сформированную под воздействием тесного взаимодействия с соседями и мультикультурализма (*borderlands*) [28, p. 15].

Именно так, как отмечено в пункте «д», М. Эмерсон характеризует Россию и Европейский Союз. По его мнению, Россия – «экс-империя поневоле», потерявшая большую часть своего влияния на пространстве бывшего СССР, но все же оставшаяся сильным центром, и ЕС – «империя поневоле», постепенно присоединяющая все новые и новые территории на пространстве Европы. А поскольку эти две империи существуют в одном и том же географическом и политическом поле, то взаимодействие между ними неизбежно. Если есть центр, то есть и периферия. Проблема в случае с Россией и ЕС состоит как раз в том, что эти периферии частично совпадают.

В соответствии с градацией Эмерсона, «Регионы Пограничной Европы» делятся на:

– четко очерченные периферии (т.е. области, где проходит четкий «водораздел» между двумя империями и не возникает вопроса о статусе той или иной территории),

– интегрирующиеся периферии (т.е. государства, которые стремятся к интеграции с одной из двух империй),

– разделенные периферии (т.е. государства, которые поддерживают связь с обеими империями),

– частично совпадающие периферии (образования, в которых общины одной из империй окружены или находятся в положении анклава в другой империи) [17].

Рассматривая вопрос о границах, следует учитывать то обстоятельство, что они могут быть не только государственными, но и иными, с точки зрения статуса. В частности можно говорить о феномене региональных границ. Они возможны как минимум в двух вариантах. В первом случае речь идет о выделении с помощью неформальных границ т. н. «региональных государств». Региональные государства – двигатели экономического роста, но их процветание возможно лишь при минимальном вмешательстве бюрократии. Основными признаками регионального государства является экономико-географическое единство и целостность воспроизводственного процесса, базирующиеся на формировании межотраслевых структур с относительной замкнутостью производственного цикла. Приведенная формулировка очерчивает границы региона хозяйственными условиями наибольшей экономической целесообразности. Заметим, что такие регионы «замыкаются» в границах административно-территориальных единиц. Но в полной мере административно-территориальные границы не удовлетворяют требованиям эффективного экономического развития т. к. их границы часто не совпадают с границами хозяйственных структур. Итак, если политические и националистические силы способствуют укреплению государственной власти и суверенитета, то развитие современной экономики происходит неравномерно и выделяются так называемые регионы-локомотивы или «региональные государства» в терминологии К. Омае [30].

Второй вариант предполагает существование трансграничных регионов. Трансгра-

ничные регионы формируются из приграничных территорий сопредельных государств, экономические связи здесь пересекают государственные границы, что еще больше ослабляет возможности правительства и уменьшает сферу государственного регулирования. Под трансграничным регионом следует понимать определенную территорию, которая характеризуется наличием сходных природно-географических условий и охватывает приграничные административно-территориальные единицы двух или нескольких государств, имеющих общую границу.

Однако границы трансграничных регионов, даже не совпадая с государственными границами, не являются для них угрозой. Фактически речь идет о «достройке» нового уровня индикаторов экономической идентичности, в противовес индикаторам государственного суверенитета.

Трансграничные регионы появляются вследствие того, что современные международные отношения детерминированы регионализмом, они все более основываются не на традиционной геополитической совокупности истории, культуры и традиций и классическом понимании суверенитета, а на субъективном осознании элитами своих базовых интересов, в конечном счете, определяемыми экономикой. В результате правящие элиты готовы пожертвовать «масштабом управления», соглашаясь на управляющие проекты не государственного масштаба. Этот масштаб может быть транснациональным. «Одна из самых важных черт сущности трансграничного региона как раз и состоит в том, что он не есть регион в полном смысле этого слова, не является чем-то естественно сложившимся и изначально данным. ...Трансграничный регион появляется как политическая категория, политический проект или идея, и уже в дальнейшем выбираются подходящие факты ... для обоснования возможности существования подобного региона» [11]. На уровне ЕС эта закономерность проявляется через деятельность территориальных, субнациональных акторов, которые надеются укрепить свою автономию или, по крайней мере, получить право на представительство и оказание политического влияния в европейских делах. В последние годы изменение в их пользу соот-

ветствующих правил было очевидно. Регионы (а затем и муниципальные образования) получили признание в качестве соответствующих политических единиц [7, с. 47]. Комментируя этот процесс, политолог З. Млынар писал: «Во-первых, в то время как старый локализм был «подчиненным», новый является результатом свободной воли и осознанного выбора; старый был «естественным и необходимым», новый – добровольный и международный. Во-вторых, старый локализм стремился минимизировать контакты с внешней средой, держать свои границы прочно закрытыми, новый же стремится к установлению взаимоотношений с остальным миром» [33, р. 148].

Усиление роли регионов в современном мире дает основания говорить о возможности появления в их лице новых политико-территориальных образований и становления их как субъектов региональной экономической политики и международных отношений. Особенностью формирования регионов является их трансграничная сущность или, по крайней мере, необязательность принадлежности к территории одного государства. Но все это не отрицает сохраняющегося влияния административно-территориального (территориально-политического) деления конкретного государства. Регион может обладать свойством пограничности, но не быть включенным в процессы формирования трансграничной общности. С одной стороны, для небольших государств не наблюдается четкого разъединения пограничных функций в пространстве, так как основная часть территории страны рассматривается как пограничная зона.

После окончания «холодной войны» сложились предпосылки появления качественно нового типа общности – трансграничного региона, причем он мог одновременно включать в себя в качестве акторов как государства, так и отдельные земли государств, что подчеркивает гетерогенность трансграничного региона в плане составных частей. При этом важнейшим компонентом трансграничного региона выступают сети многочисленных каналов и связей между этими акторами. Допускаются связи как между однотипными акторами, так и между акторами разных уровней (субрегион – государство). Необходимо понимать,

что, говоря о субрегиональных связях, каналах и сетях, следует видеть связь как между этими субрегионами в целом, так и между отдельными фирмами, образовательными учреждениями, неправительственными организациями, т. е. теми, кто наполняет субрегиональное сотрудничество конкретным содержанием.

Существование подобных трансграничных регионов с нечеткими и часто изменяющимися границами в условиях биполярного мира было затруднено, так как государства являлись единственными участниками международных отношений, и регионы (особенно на начальном этапе) основывались на межгосударственном (межправительственном) взаимодействии. В рамках регионов всегда особое значение имеют межрегиональные, т. е. горизонтальные связи. Эти связи могут быть многоплановыми: автаркия и сепаратизм, сотрудничество и интеграция. Важнейшими факторами регионообразования являются сепаратизм (от лат. *separatio* – отделение) и автаркия (от лат. *autarkeia* – самодостаточность). В первом случае целое разделяется на части, при этом внутренние связи разрушаются. Во втором случае автаркия укрепляет внутренние связи в регионе и «отрезает» его от внешних воздействий. И в том и другом случае регионализм не вписывается в концепцию трансграничного сотрудничества. Однако глобализация делает границы регионов динамичными. Иногда даже трансграничные объединения регионов в Европе приобретают характер прямого вызова соответствующим национальным государствам. К числу таких примеров можно отнести попытку австрийского Тироля и итальянского Трентино–Альто-Адидже основать свое общее представительство при ЕС.

Рассмотрим данный вопрос более подробно на примере Балтики. Существование трансграничного региона в масштабе Балтики связано с двумя плоскостями сотрудничества: межгосударственной и межрегиональной, причем региональная интеграция наилучшим образом достигается как раз на субрегиональном уровне. Это происходит в том случае, если эти субрегионы действительно являются акторами международного экономического сотрудничества, т. е. обладают воз-

можностью независимо от своих государств устанавливать трансграничные контакты. Естественно, что при этом регион опирается на те или иные конкурентные преимущества.

Балтийский регион не есть территория, естественно сложившаяся и изначально оформленная (таким свойством обладают внутригосударственные регионы). Обычно «естественность» того или иного трансграничного региона доказывается либо сходными географическими или культурными параметрами, которые «естественно» отделяют этот регион от соседних территорий, либо трансграничный регион первоначально появляется как политический проект или идея, но в дальнейшем он «оформляется» экономическими связями. Иными словами, Балтийский трансграничный регион длительное время мог быть искусственным образованием. Однако в дальнейшем он обязан принять те очертания, которые обеспечивает хозяйственная практика. Зарождаясь искусственно как политический проект, постепенно трансграничный регион приобретает реальные экономические очертания. Построение региона возможно на базе взаимного экономического интереса как стартовой точке, т. е. той области, сотрудничество в которой казалось наиболее естественным и актуальным для всех сторон, участие которых было выгодно авторам проекта. Вполне понятно, почему стартовой площадкой трансграничного сотрудничества на Балтике должна стать экономика. Существование трансграничного региона в масштабе Балтики связано с двумя плоскостями сотрудничества: межгосударственной и межрегиональной, причем региональная интеграция наилучшим образом достигается как раз на субрегиональном уровне. Это происходит в том случае, если эти субрегионы действительно являются акторами международного экономического сотрудничества, т. е. обладают возможностью независимо от своих государств устанавливать трансграничные контакты. Естественно, что при этом регион опирается на те или иные конкурентные преимущества.

В системе понятий регионоведения существует ряд теоретических категорий, родственных понятию «граница». Следует, прежде всего, упомянуть категорию *лимес*. Лимес – это полоса земель, представляющая собой

границу, отделяющую одну цивилизацию от другой (от лат. *Limes* – граница) [14]. Лимес – неустойчивая окраина имперской или цивилизационной платформы. *Лимитроф* – промежуточное пространство между империями или цивилизациями [15].

Фронтир – это скорее пограничная полоса или рубеж освоения. Классическое определение фронта – граница между освоенными и неосвоенными поселениями земель. В США подобную зону освоения часто воспринимают как линию, поскольку освоение территории не слишком задерживалось. Вслед за первопроходцами быстро приходила цивилизация. Фронтир определяли, например, как границу между проданной и «ничейной» землями, границу резерваций, наконец, границу между самыми западными штатами и самыми восточными «территориями» (*territory* – это название административной единицы с особым статусом; чтобы получить статус штата, та или иная «территория» должна была иметь определенную численность населения). В случае расширения территорий стран на их периферии формировался легко узнаваемый регион порубежья. Именно так было в российской практике. Особое место в системе административно-территориального устройства Азиатской России занимали пограничные области, где внешние границы имели размытые очертания и обладали подвижностью. Это и есть «фронтир», в русском варианте порубежье, но не рубеж. Как пишет А. В. Ремнев: «Долгое время (как в случае между Российской и Китайской империями, например) межимперская территория имела характер буферной полудикой территории, населенной редким кочевым населением. Это была своего рода «ничейная земля», несмотря на ее формальную принадлежность к той или иной империи. «Азиатская граница», как особый тип границы, представляла собой, с точки зрения европейского наблюдателя, аморфную «геополитическую чересполосицу», большую барьерную территорию между империями, на которой продолжали существовать осколочные местные властные структуры» [9].

Следует учитывать то, что всякая административная, а тем более, государственная граница, будучи однажды проведена, имеет тенденцию сохраняться, увековечиваться. «Таким образом, – отмечает Ф. Бродель, – исто-

рия тяготеет к закреплению границ, которые словно превращаются в природные складки местности, неотъемлемо принадлежащие ландшафту и нелегко поддающиеся перемещению» [2, с. 274]. При этом возникают интересные историко-географические образы, которые возникают в переходных зонах, на стыках, в пограничных полосах. В исследовании Г. Башляра «Поэтика пространства» затрагивается анализ образа места [18]. Подробно рассматривал этот вопрос развивая труды Г. Башляра и Д. Дидней. Он провел сравнительный анализ различных случаев национализма, пришел к выводу, что со снижением роли религии в обществе современный национализм заменяет религиозные связи между индивидуумами, пространственно-политическими, однако националистическая риторика последовательно использует приемы религиозного символизма. Д. Дидней считает, что «в наиболее ранних концепциях политической идентичности, пространство часто определяется как святое место, потому что оно считается населенной духами, богами и божественными силами» [24, р. 132]. Огромное значение имеют и исторические памятники, фиксирующие переходные зоны и превращающиеся в историко-географический образ. Поле историко-географических образов состоит из знаковых объектов природного и историко-культурного типа. (Таковыми объектами являются Нарвская и Ивангородская крепости.)

Рассматриваемая граница относится к ряду «естественных границ». Как любая граница рассматриваемый рубеж в определенной степени охранял культуру и язык. Это совпадает с политикой современного эстонского государства, стремящегося к гомогенизации своих жителей. Вместе с тем, принципы развития и взаимодействия геополитических пространств ведут к появлению и активному функционированию различного рода буферных и промежуточных территориальных зон между сильными или соперничающими государствами, которые, по сути, могут быть самостоятельными историко-культурными образами.

Такие территории, не имея формально-двойного подчинения, идентифицируются как «предел». Причем предел и граница территориально могут не совпадать. Это явление соответствует концепции вспомога-

ной идентификации, рассмотренной выше. С одной стороны, региональная идентификация в рассматриваемом регионе формируется границей. С другой, сформировавшаяся идентификация сдвигает или размывает границы или пределы. Приграничные регионы занимают двойственное положение в социально-географическом пространстве государства, будучи одновременно и центром связей, и периферией своего государства. Являясь периферией страны, приграничные территории становятся центром региона, жизнь которого определяется задаваемыми границей правилами. В некотором смысле можно даже говорить о региональной культурной гомогенности приграничья в противоположность внутригосударственной гетерогенности. Таким образом, центральной категорией социального анализа феномена границ должно стать понятие *приграничье* (borderland), которое понимается не как два близлежащих региона по обе стороны границы, но как единое социальное пространство. Идентификация границы может иметь различное значение в разных местах. Это связано и с тем, что далеко не все границы сформировались искусственно, часто они носят закономерный характер, опираются на естественные рубежи как природного, так и культурного характера, становятся самостоятельным социально-историческим феноменом. Если их отменяют, как это часто случается, они оставляют следы в самосознании, в региональной идентификации, которые едва ли когда-либо исчезнут.

В этом случае целесообразно использовать концепцию М. Бауда и В. ван Шенделя о «жизненном цикле» границы [19, р. 223]. Любая граница может иметь несколько возрастных датировок. Старейшая в Европе российско-эстонская граница (первое упоминание о границе Новгорода и Ордена по реке

Нарова относится к концу XIII в.) находится, с точки зрения детерминирования экономической и политической жизни, в весьма молодом возрасте. Процесс трансформации старых экономических и политических отношений идет более 15 лет, но наиболее прочные прежние трансграничные связи все еще сохраняются, несмотря на весьма жесткий пограничный и таможенный режим. Сейчас социальное пространство на этом участке российско-эстонской границы постепенно переструктурируется в зависимости от контуров границы. Политическая граница и проблемы, связанные с ней, стали частью повседневности. Вместе с тем, возможно, что по мере ликвидации границ в пределах Европы функция обеспечения безопасности и пограничного контроля как системный признак границы станет чисто символической.

В этом случае российско-эстонская граница станет такой же, как и большинство внутренних границ, определяемых не столько географическими категориями, сколько чувством этнокультурной принадлежности. Можно сказать, что это – набор норм и ценностей, приверженность определенным процедурам. Такие границы станут «маркерами идентичности» а не «агентами обеспечения национальной безопасности» [20, р. 19]. В этом контексте следует отметить то, что российские границы идут по этому пути достаточно медленно. Внешние вызовы для России, так и не понятой по-настоящему своими соседями, сохраняются, а иногда даже усиливаются, что делает процесс трансформации наших границ весьма многовекторным. В то время как старые границы (российско-финская) движется в сторону «маркера идентичности», новые (российско-грузинская) в направлении «агента обеспечения национальной безопасности».

Литература

1. Андерсон М. Границы Европейского Союза. <http://www.edc.spb.ru/activities/conferences/40years/anderson.html>
2. Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. М., 1994.
3. Высоцкий Л. Ф. Регионализм в международно-правовом регулировании. Автореф. докт. дис. Киев, 1986.
4. Гелленер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. // Путь. Международный философский журнал. 1992. № 1.
5. Германский вопрос и «общеевропейский дом» // МЭиМО, № 6. 1990.
6. Зегберс К. «Сшивая лоскутное одеяло...» // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4.

7. Колер-Кох Б. Эволюция и преобразование европейского управления // МЭиМО, 2001, № 7.
8. Мыльников А. С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания XIII-XIX вв. – СПб., 1997.
9. Ремнев А. В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX веков. Некоторые итоги и перспективы изучения. <http://www.zaimka.ru/power/remnev3.shtml>
10. Роккан С., Урвин Д. Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму // ЛОГОС, № 6 (40). 2003.
11. Суслов Д. Модели разрешения российско-эстонского конфликта. <http://www.baltclub.spb.ru>
12. Уишлейд Ф., Юилл Д. Системы выделения регионов в Европе: возможные уроки для России.
13. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М. 1995.
14. Хагунцев С. Украина между лесом и степью. <http://www.novopol.ru/article1160.html>
15. Цымбурский В. Народы между цивилизациями // Pro et Contra. Том 2, 1997, № 3.
16. Шлэгель К. Европа – пограничная страна // Вестник Европы, 2003, № 9. <http://magazines.russ.ru/vestnik/2003/9/shleg-pr.html>
17. Эмерсон М. Слон и медведь. Европейский Союз, Россия и их ближнее зарубежье. М., 2002 (копирайт 2001, Центр Европейских политических исследований, Брюссель)
18. Bachelard G. La poetique de l' espace. – Paris, 1957.
19. Baud, M., van Schendel, W. Towards a Comparative History of Borderlands. In: Journal of World History, 1997 vol. 8, No. 2.
20. Birte Holst Jorgensen. Building European Cross-border Co-operation Structures. Institute of Political Science, University of Copenhagen, November 1998.
21. Border and Territorial Disputes // Ed. by J. Allcock, C. Arnold, A. J. Day London, 1992. P. XL.
22. Camilleri J. Rethinking Sovereignty // Contending Sovereignties. Redefining Political Community. Edited by R.B. J. Walker and Saul H. Mendlevits. Lynne Rienner Publishers. Boulder, London, 1990. P. 35.
23. Christopher S. Browning & Pertti Joenniemi. The Identity of Kaliningrad: Russian, European or a Third Space? // Paper presented at the CEEISA/RISA/NISA Convention, Moscow, Russia, June 22, 2002. Pp. 3-4.
24. Deudney D. Ground Identity: Nature, Place and Space in Nationalism in Lapid. //The Return of Culture and Identity in IR Theory, Boulder, London, 1996.
25. Evans G., Newnham J. Dictionary of International Relations. London, 1998.
26. Gearoid O'Tuathail Critical Geopolitics. University of Minnesota Press, Minneapolis, 1996.
27. Holdich Thomas H. Political Frontiers and Boundary making. London, 1916.
28. Julian V. Minghi. From conflict to harmony in border landscapes. In: The Geography of Border Landscapes // Edited by Dennis Rumley and Julian V. Minghi. London & New York: Routledge, 1991.
29. Morgenthau Hans J. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. Second Edition, Alfred A. Knopf: New York, 1955.
30. Ohmae K. Managing in a Borderless World // B. de Witt, R. Meyer (ed.). Strategy. Process, Content, Context. An International Perspective. Minneapolis, St. Paul, New York, Los Angeles, San Francisco, 1994. P. 489 - 495.
31. Simmel G. Soziologie des Raumes // Georg Simmel Gesamtausgabe. Bd. 7 / Hrsgg. v. Rudiger Kramme, Angela Rammstedt und Otthein Rammstedt. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1995. S. 132-183.
32. Smith Anthony D., The Ethnic Origins of Nations New York: Basil Blackwell, 1987.
33. Zdravko Mlinar Local Response to Global Change // The Annals of the American Academy of Political and Social Science: Local Governance Around the World // Spec. ed. by H. Teune. Sage, 1995, Vol. 540.

А. В. Матрунич

ПЕРВЫЙ ПСКОВСКИЙ РЕФЕРЕНДУМ НА КАРТЕ ГОРОДА: ОПЫТ ГЕОИНФОРМАЦИОННОГО АНАЛИЗА

16 июля 2006 г. в Пскове состоялся городской референдум, посвященный выбору структуры местного самоуправления. Кампания по проведению референдума была начата инициативной группой регионального отделе-

ния Российской демократической партии «Яблоко» [4]. Толчком к референдуму послужили изменения в уставе города, который теперь предусматривает выборы главы города депутатами из своего состава [1].